

ГЛАВА 1

— Филин, это Дрон, объект въезжает со стороны Оси-пенко во двор своего дома, — голосом Дорофеева изрекла лежащая между сиденьями «Моторола». — Встречайте.

Не поворачивая головы, Антон нащупал пуговицу болтавшегося на подголовнике микрофона и подтянул его к губам:

— Принято!

Рука вновь безвольно упала на колени.

Залетевшая в салон муха несколько раз стукнулась о лобовое стекло и села. Казалось, у нее нет сил даже ползти. Жара стояла такая, что не хотелось говорить. Разгневанная за что-то на человечество природа подбрасывала все новые сюрпризы. Одна часть Европы тонула, другая, в прямом и переносном смысле, горела. В Москве столбик термометра ежедневно с успехом штурмовал отметку в тридцать два градуса. Люди оставляли в расплавленном асфальте обувь, умирали от сердечных приступов, получали в нескончаемых автомобильных пробках тепловые удары, но все равно куда-то бежали, ехали, спешили. В этих условиях подразделение спецназа ГРУ под командованием подполковника Филиппова на практике отработывало вопросы оперативного мастерства. С появлением террористической угрозы приходилось учиться не только вести разведку и совершать диверсии, но и, наоборот, предотвращать подобные действия врага на своей территории. Спецназовцы четвертые сутки

перемещались из одного конца города в другой, сидели в засадах, вели наблюдение с чердаков, лестничных клеток, из подвалов. Пришлось рыться в мусорных баках, подсовывать «жучки» на балконы, общаться с контингентом, который с трудом мог вспомнить год своего рождения, разбираться в хитросплетениях лабиринтов подземной Москвы. По нескольку раз в день изменяли внешность и манеру поведения. Пересаживались с одних машин на другие, с мотоциклов на велосипеды. В общем, всего и не перечить.

По условию тренировки в столицу прибыла террористическая группа в количестве пяти человек, в планы которой входило совершить на одном из участков метрополитена диверсию с применением радиоактивного материала. Роль злодеев играли смежники. Все — неприметной наружности. Причем на начальном этапе было известно только об одном члене команды. Он прилетал рейсом Аэрофлота из Самары, курил сигареты «West», слегка картавил. Руководитель учений всучил Антону снимок этого «объекта», сделанный со спины, да еще во время дождя. На голове шляпа, голова повернута вправо. Кроме того, фотоаппарат держал в руках человек либо с большого перепоя, либо страдающий эпилепсией. Освещение хуже некуда, плюс низкое качество печати. Немудрено, что запечатленный на ней мужчина походил на кого угодно. Как заметил Дрон, если точно так же развернуть к объективу верблюда и надеть на него шляпу, сходство будет идеальным. Тем не менее сумели зацепиться. К сегодняшнему дню всех «диверсантов» вычислили, но обнаружили себя. Теперь «террористы», имеющие большой опыт оперативной работы, будут пытаться пустить их по ложному следу либо вовсе оторваться. А еще не удалось выйти на тайник с «заразой». По всем расчетам, сейчас он находится в доме, у которого остановились Антон и Кот. Если это так,

то в самое ближайшее время его попытаются перевезти в другое место. Антон пришел к выводу, что «очкарик», которого они полдня вели через пробки, направляется сюда именно для этого.

— Едет, — не поворачивая головы, едва слышно проговорил Котов и положил ладони на руль.

Майор считался прямым заместителем Антона. Пришел в группу, уже имея боевой опыт. За плечами несколько серьезных операций, как в России, так и за ее пределами. Спокойный, рассудительный и терпеливый. Склад ума математический, память почти феноменальная. Впрочем, это стандартный набор требований к разведчику-диверсанту. Хотя у каждого были индивидуальные качества и способности. Кот говорил на двух языках, понимал три. Мастер спорта по офицерскому многоборью. Еще в училище достиг неплохих результатов в вольной борьбе. Однако, пройдя многочисленные комиссии, тестирования и прочие испытания, считался куском сырого теста. Такой специалист — подарок любому полку ВДВ или бригаде спецназа, но не группе, подобной той, которой командует Антон. С первого дня с ним, как и с остальными разведчиками-диверсантами, плотно работали инструктора, преподаватели, психологи. Сейчас это уже профи.

Антон покосился на майора. Его бритый череп лоснился от пота. Лицо было красным, отчего выгоревшие, бесцветные брови казались нарисованными мелом.

Мимо, шурша шинами, проехала серебристая «Тойота», в которой находился «объект», и остановилась у крайнего подъезда. Из нее вышел сухощавый брюнет в очках. Несмотря на жару, он был в костюме и галстук.

— Кондиционер у этого пинкертона под одеждой, что ли? — не выдержал Кот. Его футболка была мокрой.

Антон открыл дверцу и шагнул на тротуар.

Очкарик внимательно посмотрел на вышедшего из

припаркованного неподалеку «жигуленка» высокого сероглазого мужчину с волевым подбородком и атлетической фигурой, взял под мышку кожаный портфель и закрыл машину. После чего направился в сторону подъезда.

Антон немного выждал и двинулся следом. Он еще утром узнал код замка. Но двери закрывались медленно, и можно было успеть проскочить, не теряя драгоценные секунды, которые очкарик наверняка использует против них. Спецназовцы стали провоцировать «террористов» на экстренные действия. Они сейчас умышленно нагло наблюдали. Антон рассчитывал, что в таких условиях смежники занервничают и допустят ошибку. Играли на грани фола. Там тоже ребята не дураки и могут догадаться, чего хотят от них разведчики. Но затянувшаяся эпопея с контейнером, в котором, по условию учений, хранится радиоактивный материал, уже порядком надоела. В другой обстановке они бы наверняка действовали тоньше и терпеливей, но не сейчас.

Едва он ухватил ручку, как навстречу выскочили двое подростков, за которыми появилась дама с коляской. Антон пропустил их, помог женщине спуститься со ступенек и только после этого вошел в подъезд. Здесь было сумрачно и прохладно. Гремел лифт. Он прислушался. Кабина ползла вниз. Значит, очкарик не мог воспользоваться им. Антон устремился по лестнице. Навстречу спускался средних лет мужчина в майке и мятых спортивных трусах. В руках держал карликовую собачонку.

Где же очкарик? — пытаясь увидеть «объект» между пролетами, Антон нагнулся, посмотрел вверх и перешел на бег. В это время собаковод поравнялся с ним. Что-то не так. Неожиданно Антон разглядел над его ухом едва заметную розовую полоску. Такие оставляют дужки очков. Но это еще ни о чем не говорит. Сидел дома за компьютером. Решил выйти прогуляться, снял. Неестест-

венная сутулость. Майка мокрая от пота, даже сильнее, чем у Кота, который весь день провел в машине, а главное, спортивные трусы! Все в складках, словно жеванные, они раньше были надеты под брюки! Антон уже выскочил на площадку. Внизу хлопнула входная дверь. Он открыл мусоропровод и заглянул внутрь. Вот и портфель! Застрял, не пролетев и метра. В нем была собачка! Доставая сотовый, он подошел к окну. Перевоплотившийся в любителя четвероногих очкарик неторопливо уходил в направлении соседнего дома. Антон надавил на кнопку автоматического набора номера.

— Кот на связи.

— Объект изменил внешность. Направляется мимо детской площадки.

— С собакой? — уточнил Кот.

— Да.

— Понял.

Антон развернулся, собираясь сбежать вниз по лестнице, но неожиданно замер. Слишком примитивно для специалиста сработал объект. Именно это и заставило его остановиться. Очкарик снял пиджак, рубашку и брюки. Достал собачку. Стоп! Туфли на нем были коричневые, а возвращался в кроссовках. Носки серые поменял на зеленые. Как все это могло уместиться вместе с собакой в портфеле? Да и времени у него было слишком мало, чтобы сменить сразу пять элементов гардероба. К тому же он бы наверняка насторожил подростков. Те как раз должны были застать его за переодеванием. Портфель тоже мог спокойно пролететь до конца трубы мусоропровода. Его попросту бросили плашмя, вот он и застрял. Значит, здесь очкарика ждал второй, похожий на него человек! Чекисты решили, что разведчики ключнут на грубую наживку и примут собаководов за переодевшегося очкарика. Не вышло! Хотя оригинально.

Он отступил обратно к окну и снова достал телефон.

— Кот, это опять я, — наблюдая за направляющимся следом за собаководом Котовым, быстро заговорил Антон. — Передай его Джину, а сам обратно. Это подставной. У них в команде были два похожих по росту и комплекции.

В отличие от Антона Кот использовал портативный микрофон, вставляющийся прямо в ушную раковину, и ему не требовалось вынимать станцию или телефон. Он лишь обернулся, посмотрел на окно лестничной клетки и кивнул.

Антон мысленно отругал Кота и стал спускаться. Придется позже устроить взбучку. Кроме него, майора мог видеть очкарик. Окна квартиры выходят как раз во двор. Покинуть дом кроме как через подъезд условный член террористической организации не сможет. Дверь на чердак не только закрыта на дополнительный замок, но и находится под контролем Лаврененко. Подвал держал Москист. На соседний балкон перебраться невозможно. Спекся очкарик! Антон вышел из подъезда и потер руки. Никуда не денется, теперь они его прищучат. Только надо до конца сыграть роль взявших ложный след гончих. Сейчас они сядут в машину и отъедут. К этому времени в этот район подтянется экипаж Банкета.

Неожиданно вновь заработал виброзвонок сотового телефона. Антон вынул мобильник и посмотрел на дисплей. Горела единица. Значит, на связь выходил Родимов.

«Вот и хорошо! — подумал Антон. — Сразу доложу, что скоро отмучаемся!»

— Ты где? — с ходу спросил генерал.

— Тухачевского...

— Задачу снимаю. — Родимов не дал договорить. — Всех касается, «Сбор»!

По голосу шефа Антон догадался, ему безразлично, что его подчиненные загнали смежников в угол. Значит,

случилось либо должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

— Куда? — научившийся понимать командира по одному лишь взгляду, спросил Кот, поворачивая ключ в замке зажигания.

— На базу, — как само собой разумеющееся, ответил Антон и почувствовал облегчение. Как ни крути, а он не был до конца уверен, что группа на правильном пути. Совместные учения с контрразведчиками — штука серьезная. В этой конторе знали свое дело. Тем более городские условия были для них более привычными, нежели для людей Антона. Хотя подобные группы создавались как универсальные подразделения, которые могут самостоятельно выполнять задачи практически любого характера. Во времена «холодной войны» спецназ готовили для уничтожения штабов, пунктов управления родами войск НАТО, глав государств, диверсий в отношении объектов опасного и военного производства. В их распоряжении был огромный арсенал средств, включая автономные ядерные мины. В мирное время они могли получить приказ провести экстренную эвакуацию из-за рубежа сотрудника посольства, вернуть или уничтожить бежавшего носителя информации, оглашение которой может принести урон государству, произвести разведку строящегося объекта. В общем, всего и не перечить.

Сейчас, после крушения целой системы, изменилась и специфика работы. Спектр вероятных задач значительно расширился. Подразделения Генерального штаба все чаще стали использоваться на территории собственной страны. Чечня, Дагестан, Ингушетия. Появились экстремистские группы и террористические организации в центральных областях. Как грибы росли политические партии и движения, готовые использовать эту силу в своих интересах. Не брезговали этим и отдельные личности, в свое время занимавшие высокие посты в

правительстве, Совете Федерации и других государственных структурах. Неудивительно — есть спрос, будет предложение. Особой популярностью они пользуются у бежавших в разное время из страны олигархов. Находясь за границей, никто из них не оставлял надежды вернуться для продолжения ее разграбления. Любыми путями они пытались подсидеть, свалить тех, кто остался у пирога. Антон видел и не верил своим глазам — в России складывалась ужасающая ситуация, становясь богатым, человек не только переставал любить и уважать свой народ, он начинал его ненавидеть и втоптывать в грязь. Власть стала самым ходовым товаром. У одного право распоряжаться ресурсами, у другого финансами, третий имеет возможность контролировать определенные события, а значит, влиять на положение дел в стране. Повсеместно интриги, подставы, убийства. Огромную роль стало играть общественное мнение и голоса избирателей. За все приходилось бороться. Были и более жестокие формы воздействия на население. В порядке вещей стали войны в целом регионе, захват заложников или взрывы самолетов. Большой успех воздействия имели такие факторы, создаваемые чиновниками, как недоступность лекарств, цены на бензин и продукты питания, отсутствие жилья. Как результат: нищета, повальный алкоголизм в глубинке и наркомания. Горстка ошалевших от бешеных денег молодых, избалованных, а главное, ничего не сделавших в жизни людей, словно по заказу, круглые сутки кривлялась, занималась сексом, материлась с экранов телевизоров, обзывая себя элитой общества, а на самом деле приводя в ярость этот самый, настоящий, народ. На тусовках гламура вульгарные и необразованные особи выставляли друг перед другом кольца, часы и прочие побрякушки, стоимость которых была равна цене десятков операций по пересадке костного мозга. Непонятной ориентации

юноши хвастались автомобилями, от продажи которых можно было выручить деньги для постройки детского дома или интерната. Что это? Запущенный природой механизм самоуничтожения нации? Они любят говорить, что каждый может заработать. Они кричат, что просто самые удачливые, умные и рисковые. Нет, не может быть вся страна такой. Тогда реальную работу будет некому делать. Тогда все должны потерять совесть, а душу продать дьяволу. «А может, так оно и есть? — неожиданно подумал Антон. — Вдруг повелитель тьмы уже действительно пришел? Спустился на землю и сейчас спокойно в ночных клубах, казино, публичных домах, саунах устроил офисы, где оформляют сделки?»

Федор Павлович ждал в учебном центре. В новое здание управления, расположенное на Хорошевском шоссе, генерал вызывал редко. Там кабинет шефа походил на президентские хоромы. Специфика работы Филиппова обязывала знать, как примерно устроен быт у глав государств вероятного противника. Кроме рабочего помещения со всем необходимым для проведения совещаний, планирований и разного рода консультаций, на случай чрезвычайного положения у Родимова были оборудованы комната отдыха, санузел и душевая.

Здесь, среди стрельбищ, автодромов, огромного полигона с макетами зданий, искусственными скалами, болотами и лесами, генерал бывал не так часто, но проводил это время с пользой. Он обязательно посещал тир, где «сжигал» из разных видов оружия не одну сотню патронов. Пробегал полосу препятствий. Иногда выдерживал кого-то из спецназовцев и тащил в спортивный зал, где устраивал спарринги. «Другие едут за город, я сюда», — смеялся он, справедливо считая, что в окрестностях учебного центра природа намного красивее, чем за его пределами, а отдых гораздо активнее.

Несмотря на уже предельный для службы возраст,

невысокого роста, абсолютно седой, остроносый генерал мог еще дать фору многим действующим военным. Нередко он сам принимал участие в операциях, наравне с бойцами деля тяготы.

— Товарищ генерал, подполковник Филиппов по вашему приказанию прибыл! — вытянув руки по швам, хотя и был в гражданской одежде, доложил Антон.

Родимов вышел из-за стола, подошел вплотную к Филиппову и протянул сухую ладонь.

— Мы почти сделали смежников, — отвечая на рукопожатие, объявил Антон, но осекся. Взгляд генерала говорил о том, что ему сейчас не до занятий, пусть и с вечными конкурентами.

— Проходи, Антон Владимирович, садись. — Родимов указал взглядом на стул у стола для совещаний, сам подошел к стене, сдвинул штору из темного плотного материала, за которой висела истыканная флажками, разрисованная условными знаками, исписанная одному ему понятными пометками карта направления.

Антон развернулся на стуле в сторону генерала и проследил за его взглядом. Генерал смотрел на Афганистан.

— По линии СВР (Служба внешней военной разведки. — *Прим. авт.*) поступила информация, касающаяся подготовки на территории Афганистана группы из числа лиц славянской наружности. К кандидатам предъявлены очень высокие требования. Цель неизвестна. — Родимов развернулся на каблуках и посмотрел в глаза Антона. — Возможно, президент Чечни либо кто-то из членов правительства. Не исключаю, что замахнулись на первое лицо государства.

— Они достали. — Антон поморщился. — Лучше бы на Луну слетали. С такими затратами, энергией и целеустремленностью эти фанатики уже давно бы нашли во Вселенной Аллаха. Это уже четвертая, только по нашей линии, попытка угрожать деньги впустую. А сколько та-

ких покушений служба охраны, менты и смежники предотвратили?

— К подобной информации надо подходить как в первый раз. То, что удавалось сорвать планы террористов претворить в жизнь нечто подобное раньше, не должно расслаблять. Начнете недооценивать, и они переиграют. У нас опасный и хитрый враг. Считай, что предыдущие попытки они устраивали, чтобы ты начал думать о них как о никудышных организаторах и профессионалах.

— Так и будет, — заверил Антон, ловя себя на мысли, что не в меру разговорился.

— Значит, слушай и запоминай. — Генерал задвинул штору и вернулся на свое место. — Район предстоящих действий — сто километров севернее Герата. Перевал Сабзак. Вдоль притока Мургаба.

— Проникновение со стороны Туркмении? — попытался угадать Антон.

— Нет, — генерал покачал головой, — Таджикистана.

— Но ведь там почти семьсот километров! — Антон не мигая уставился в лицо генерала, пытаюсь понять, шутит он или говорит правду. — Горы, посты, талибы... Бред какой-то. Или с янки договорились?

— Они наверняка заинтересованы в работе лагеря. — Генерал покачал головой. — Эти ребята всегда на все, что касается безопасности России, смотрят сквозь пальцы.

— Там от границы с Туркменией три дня хода. — Антон посмотрел на штору, за которой была карта, и вновь уставился на Родимова.

— Этим маршрутом уйдете. В Кушке вас встретят. По крайней мере, будем в этом направлении работать. Пока, правда, решения нет. Есть только приказ начальника предоставить к рассмотрению варианты уничтожения объекта. Их, кроме использования твоей группы, будет несколько. От бомбардировки с воздуха до попыт-

ки сравнить в том районе вооруженные отряды движения Талибан с местными племенами или полицией. Но, как ты сам понимаешь, в первом случае это череда скандалов на международном уровне, во втором необходимо время. Так что настраивайся на командировку.

— Нас планируете забросить по воздуху? — предположил Антон.

— Полетите сами, — ошаршил генерал. — В один конец. Если вам дать экипаж, значит, отправить его на верную гибель. У тебя в группе по штату свои пилоты. Или забыл? Думал, просто так все? Дурь маразматиков?

— Да нет. — Антон отстранился от стола, пытаясь скрыть охватившее его волнение, и отвел взгляд в сторону. — Помню.

На случай военных конфликтов было много способов заброски группы в глубокий тыл противника, в том числе с использованием максимальной дальности полета вертолета, после чего он выводился из строя или затопливался. Предусматривались варианты возвращения с использованием захваченной техники. У половины стран мира состояли на вооружении и просто работали различные модификации «Ми-8». Взлет, посадку в идеальных условиях в группе Антона мог осуществить любой офицер, кроме чеченцев. Они эти занятия не застали, а тренировки два года назад были прекращены. Постоянный экипаж — Дрон, Котов. По программе они должны ежегодно набирать по двадцать часов налета. Не асы, но добраться по прямой смогут куда угодно.

— Сейчас с таджикскими коллегами ведутся переговоры и консультации в рамках программы «Антитеррор». Возможно, будет подстроено все таким образом, будто вы захватите один из вертолетов, которые местные авиакомпании задействуют для приграничных перелетов.

— Что представляет собой объект?

— Пока известно лишь то, что финансируется он по

линии небезызвестного тебе Ата Алшиха и Гаровского. Возможно, помогают «мученики» из Лондона. Наши олигархи никогда не упускали такого способа вложения денег. Численность курсантов, по разным данным, от десяти до тридцати человек. Вышли на них случайно. В странах Восточной Европы и бывших союзных республиках в середине весны появились волонтеры из отставников английских спецподразделений. Искали славян с хорошим знанием русского языка, менталитета, обычаев. Приветствовалось наличие высшего образования и служба в армии. Особо обращали внимание на представителей криминального мира. Наши службы отслеживали перемещение двоих из таких кандидатов. Довели до Герата. Одновременно подключили старые, еще с советских времен, связи в ближайших провинциях и установили, что появился новый лагерь. Немного, но стабильно поступает информация и из других регионов. В Латвии пропал бывший сотрудник КГБ, в свое время работавший в четвертом управлении. Наверняка уехал делиться опытом. В Кабул дважды вылетал Даниэль Нусон.

— Поймать бы этого козлика! — Антон непроизвольно сжал кулаки. Англичанина он заочно возненавидел еще несколько лет назад. Скользкий и мерзкий во всех отношениях тип является связующим звеном между официальным Лондоном и большинством террористов.

— Пока нет окончательного решения, даю время для решения неотложных задач и для отдыха. — Генерал встал. — Кроме тебя, никто пока не должен знать о реальных причинах прекращения тренировки.

— Все и так догадаются. — Антон поднялся со стула.

* * *

Павел проснулся рано. Некоторое время он лежал с открытыми глазами, приходя в себя после пробуждения. А оно давалось ему с трудом. Редко найдется чело-

век, легкий на подъем, но у него другой случай. Он как раз таки и не любил долго нежиться в постели. Причина мучений — контузия, ранение в голову и спину. Очнувшись ото сна, он сначала не понимал, где находится. Потом начинало болеть странной пульсирующей болью тело. Скорее ныло, словно после больших физических нагрузок. Почему, не могли объяснить даже врачи. Постепенно, до завтрака, боль проходила.

Он сел. Освещенные утренним светом стены, казалось, слегка качнулись и вернулись в исходное положение. Головокружение почти прошло. Совсем недавно он с трудом ходил.

Огляделся, словно попал сюда впервые. Так каждое утро. До конца не верилось, что дома. Часто снился именно такой сон, как он просыпается здесь. Первый раз еще на срочной, в учебке. Потом чаще. Вот родной письменный стол у окна, за которым делал уроки. Шкаф с любимыми книгами и парой снимков за стеклом. Коврик с незатейливым рисунком над кроватью, трехрожковая люстра да магнитофон на полке. В углу гантели. Все. Ничего не изменилось и не добавилось. Да больше сюда из вещей ничего и не войдет — хрущевка. В период «развитого социализма» люди получали заветные квадратные метры уже под старость. Она приходила вместе с внуками, и заселялись уже в большем количестве, чем предполагалось лет десять назад. Все шло по кругу. Свекрови пилили на тесных кухнях невесток, тещи скандалили по вечерам с зятьками, норовившими после работы задержаться с дружками за кружкой разведенного водой пива, чтобы оттянуть возвращение в перенаселенную квартиру, кричали дети, стучали в стены соседи.

Пашка свесил с кровати ноги, нашарил ими тапочки, встал. Потянулся и посмотрел на часы. Только шесть. Комната стала казаться немного меньше. Неужели вырос? — усмехнулся он про себя. Вообще-то это ощущение

ние появилось с тех пор, как он вернулся в нее. С войны. С одной на другую. На той было все понятно, да и шел добровольно. А здесь?

Стараясь не шуметь, прошел в ванную, открыл воду, плеснул пригоршню на лицо и посмотрел в установленное над раковиной большое круглое зеркало. Сколько он жил, казалось ему, что ничего в его внешности не меняется. По крайней мере, не мог этого заметить. Лишь худел или поправлялся. Кто из старых знакомых сейчас встречается, обязательно говорит, что он возмужал, стал солиднее, раздался в плечах или повзрослел. Однако все отмечают его взгляд. Будто какой-то не такой стал, а какой именно, непонятно. Он взгляделся в отражение глаз. Карие, левый чуть меньше правого. Попытался сделать лицо строже. Сдвинул брови к переносице, нахмурил лоб. Смешно, и только. Соломенного цвета волосы торчали в разные стороны. Он провел ладонью по голове. Надо подстричься. А то Фирсов обязательно съязвит. Павел его давно знает и ненавидит. Любое замечание в свой адрес с его стороны воспринимает болезненно. Еще оттого, что ничего нельзя в ответ сказать. Зависит он пока от этого начальника отделения. Сегодня в одиннадцать тот выдаст причитающиеся «боевые». Пусть с «откатом», зато сразу, без проволочек и все. А майор на двадцать пять процентов «комиссионных» собрался машину менять. Так и сказал: «Что бы я без вас, родные, делал?» Пашка уже отчаялся ждать, а тут он сам предложил. Поначалу еще боялся. Врал, будто все деньги, что он возьмет за услугу, придется передать более высокому начальнику. Себе шиш. Он просто людям помогает и во все не подлец. Однако вчера раскололся. Сболтнул, что главных над ним нет, а военком и так неплохо живет.

С того момента, как впопыхах перевязанного и обколотого промедолом Пашку внесли в Ханкале на борт самолета, прошел год. Спустя два дня он уже был в воен-

ном госпитале родного города. Через месяц с небольшим исключили из списков части и уволили в запас. И это невзирая на бессонницу, боли в спине, головокружение и еще не зажившие после последней операции на позвоночнике швы. Правильно, зачем платить деньги человеку, который уже не встанет в строй? Государство — не дойная корова. Тогда же, из госпиталя, его, как потерявшего связь с армией, перевезли в обыкновенную районную больницу с тараканами, ржавой водой в кране и скрипучими кроватями, на которые с потолка постоянно осыпалась известка. Реформы в медицине по системе ее министра шли полным ходом, и, едва очутившись на больничной койке, Пашка с ходу вкусил все их прелести. Началось все с того, что страховой полис у него не был перерегистрирован, и герой едва не вылетел за пределы лечебного учреждения. Кое-как мать сумела договориться и пообещала исправить ошибку. Тот месяц он лежал за деньги. Впрочем, с трудом оформленные документы и заверения одного из чиновников Департамента здравоохранения, к которому ходила на поклон мать, особого результата не принесли. Питался Пашка в основном домашней пищей. Лекарства по списку, который вручал со скучным лицом врач, приносили родственники. Когда он стал самостоятельно передвигаться, выяснил, что больница не такая уж и плохая, как казалось на первый взгляд. Стоило пройти обшарпанными коридорами с протертым до дыр линолеумом в другое крыло, как становилось ясно — страна быстрыми шагами идет к развитому капитализму. Светлое фойе с кожаными диванами и плазменным телевизором, улыбающаяся медсестра, палаты с окнами во всю стену. Досмотреть не дали. Появился амбал в синей униформе и выпроводил в «свое» отделение. Потом пришла Марина. Рыжая, с синими глазами, одетая в роскошное платье и в туфлях на высоком каблуке. Пашка в

спортивных штанах с отвисшими коленками и больничной пижаме даже расстроился. Она приволокла целый пакет фруктов и минеральную воду. Без умолку тарыхтела, а он, делая вид, что слушает, затаив дыхание, любовался ею. Потом чмокнула в лоб и унеслась, оставив его размышлять над вопросом: что означал этот визит?

Они учились в параллельных классах. Пашка с раннего детства занимался сначала боксом, потом увлекся восточными единоборствами. Марина ходила в тот же спорткомплекс на теннис. Там и сошлись ближе. Жили в соседних домах, только у нее был «элитный», недавно построенный. Не чета хрущобам шестидесятых, где ютилась Пашкина семья. После школы она пошла в институт. Он попытался вместе с ней, но провалился на экзаменах, хотя школу окончил с одной четверкой. Она с трудом на тройки, но знания не играли роли. На первом месте были кошельки. В результате Пашка поступил в техникум, а когда окончил, его призвали в армию. Военком сразу сказал, что таких, как он, заждались в ВДВ. После учебки год в войсках. Написал рапорт на офицерские курсы. Не попал. Тогда люди нужнее были в Чечне, чем за партами. Заключил контракт — и вперед! Через три года без единой царапины уволился прапорщиком. Маринка уже училась за границей. Пашка помыкался в поисках работы и снова вернулся в армию. Второй раз попал на Северный Кавказ. Под конец командировки не повезло. Колонну обстреляли. Вдобавок ко всему машина, на которой ехал, оказалась рядом с установленным у дороги фугасом. Полный букет.

Пашка тщательно побрился и забрался под душ.

Несмотря на шум воды, услышал, как ходит по дому мать. Закашлялся в туалете, давась дымом дешевых сигарет, отец.

— Доброе утро, сынок. — Мать выставила на стол

плетеную вазочку с печеньем и стала разливать по чашкам чай.

— Я есть не буду, ма! — крикнул из прихожей Пашка, натягивая кроссовки. — Мне еще подстричься надо успеть.

— Да у тебя там нет ничего! — удивилась она. — Почти лысый. Чай, не в армии. Мог бы еще без стрижки обойтись.

Но этого, несясь вниз по лестнице, он уже не слышал.

В парикмахерской, по дороге в военкомат, Павел размышлял, как распорядиться деньгами. Сумма немаленькая. За ранения и боевые можно купить не только подержанный автомобиль, но и придется, и еще погулять.

«Надо обязательно Маринке подарить кольцо! — подумал он. — Нет, лучше цепочку и кулон. Кольцо может не подойти, а спрашивать размер — значит сюрприза не получится».

В военкомате, в окошке дежурного, сонным голосом с кем-то говорил по телефону прапорщик. В коридоре стояли две женщины. Не мешкая, Павел направился в кабинет с табличкой «майор Фирсов».

— О-о! — вставая из-за стола, протянул невысокий, с маленькими бегающими глазками майор. — Долгов! Минута в минуту. Небось с вечера за углом сидел?

— Больно надо, — фыркнул Павел, шаря взглядом по столу. Компьютер, пара красных папок, письменный прибор. Между тем Фирсов подошел к сейфу, открыл его и вынул какой-то бланк.

— Распишись. — Он положил его на стол.

Павел взял услужливо протянутую ручку и в графе «получил» поставил свою витиеватую закорючку.

— Еще здесь, — протянул майор, подсовывая следующий лист с распечатанным на принтере текстом. — ...И здесь!

Пальцы правой руки еще плохо слушались. Их кончиков он почти не чувствовал. С трудом расписавшись во всех документах, он выпрямился и вопросительно посмотрел на офицера.

— Все, свободен. — Фирсов взял листки, убрал их обратно в сейф.

— Не понял, — Павел растерялся, — а деньги?

— Какие? — майор удивленно захлопал глазами.

— Как какие! — охрипшим от волнения голосом выдал из себя Павел, чувствуя, как в голове загудело, а воздуха стало не хватать. — Я только что расписался!

— Вот дает! — Лицо Фирсова вытянулось от удивления. — Что ты несешь? Нигде ты не расписывался!

— Вы шутите? — не веря в происходящее, переспросил Павел.

— Какие могут быть шутки с контуженым человеком? — нахмурился Фирсов. — У меня что, сердца нет? Я с невропатологом и психиатром говорил. У тебя в голове одни дыры. Вчера ты приходил. Деньги получил, все до копейки. Вот и бланк соответствующий имеется. Отдельно из-за тебя заводили. — Он вынул тот же лист, что только что убрал, и протянул Павлу: — Смотри, тридцатое мая. А сегодня тридцать первое. Его, кстати, надо срочно в финчасть сдать.

— Я вчера действительно был, — догадавшись, что майор попросту забыл, о чем речь, и сейчас что-то путает, воскликнул Павел. — Мы договорились, что за двадцать пять процентов вы мне выдадите все деньги.

— Ты что, очумел?! — Фирсов не мигая уставился Павлу в глаза. — Ты меня за кого держишь? Чтобы я на кровью заработанных деньгах свое счастье строил? Тебя кто, РУБОП отправил? Да я сейчас тебя в психушку упеку! — Он бросился к телефону, взял трубку и выжидающе уставился на Пашку: — Ты еще здесь?

— Отдай, падла, мои семьдесят пять процентов! — стиснув зубы, выдавил из себя прапорщик запаса.

Майор сел и задумчиво уставился на Павла:

— Не понимаешь по-хорошему?

— Я вчера с родителями приходил, — соврал Павел. — Они меня на улице ждали. Могут подтвердить, что ничего я у тебя не брал.

— Ладно. — Майор натянуто улыбнулся, положил трубку обратно и встал из-за стола. — Я же пошутил. Ты разве не понял? Наукой тебе будет на будущее. Жалко мне вас, вот таких, которые с войны приходят, а на «гражданке» ломаются. Это тебе хороший урок. Много еще подобных преподнесет эта вонючая жизнь. — С этими словами он открыл сейф и вынул пакет.

— Спасибо, — промямлил Пашка, твердо уверенный в том, что майор врет, и убрал пакет в карман. Видно — поговорил он с врачами, это правда. Те и сказали, что никудышный Пашка теперь человек. С головой плохо. Он и решил счастья попытаться. Не тридцать тысяч получить, а все сразу.

— Опять?! — нарочито громко воскликнул Фирсов. — Пересчитай!

Уставший от событий Пашка снова вынул конверт, приоткрыл. Увидел несколько перетянутых банковской лентой пачек и одну разорванную, вздохнул, сунул обратно.

— До свидания.

ГЛАВА 2

Вечерело, когда Анди Салгариев миновал подряд два моста, расположенных в нескольких километрах друг от друга, через речку Теберда, пересек по главной улице небольшое село и подъехал к милиционерскому посту, на въезде в Сары-Тюз.

Увидев приближающийся «УАЗ», от группы что-то обсуждающих милиционеров отделился один, ткнул в него жезлом и показал на обочину. Анди включил правый поворот и остановился. Трое сотрудников, не обращая внимания на действия своего коллеги, направились к небольшому двухэтажному строению. Они громко спорили и размахивали руками. Их товарищ в это время остался один на один с абсолютно незнакомым человеком.

«Шакалы! Совсем ничего не боятся. Если бы я был здесь старшим, разве так они бы себя вели? — глядя на молодого сержанта, думал он. — Сами создают условия, чтобы на них нападали. Потом плачут».

Было душно. Анди взял документы и вышел из машины.

— Куда направляемся? — спросил милиционер, разглядывая пластиковую карточку прав.

— В Хурзук, — ответил Анди, — к сестре.

— Машину только вчера купил? — удивился сержант, когда очередь дошла до документов.

— Ну и что здесь такого? — вопросом на вопрос ответил он.

— А почему нервничаешь? — сощурился блюститель порядка и сверху вниз посмотрел на чеченца.

— Устал.

— Недавно едешь, — хмыкнул сержант.

— Тяжело с одним глазом. — Анди тронул нижнее веко пустой глазницы.

Милиционер уже потерял интерес к калеке. Начальственный вид сменился равнодушным. Он зажмурил один глаз и посмотрел поверх головы Анди:

— Правда неудобно.

— Ничего, — беря документы из рук сотрудника, улыбнулся Анди. — Я уже привык мало-мало. Вначале трудно было. Натыкался на предметы. Даже не сразу научился быстро проходить в двери.

— А если не секрет, что случилось? — Милиционер хотел было остановить мчащуюся на приличной скорости «БМВ», но передумал и вернулся обратно.

— Несчастный случай, — не моргнув единственным глазом, стал врать Анди. — На стройке работал. В котлован свалился, на арматуру упал.

— Ты чеченец? — зачем-то спросил милиционер.

— А что?

— Врешь, наверное, — спокойно ответил сержант и направился прочь.

— Шакал! — зло процедил сквозь зубы Анди, глядя ему в спину. Затем посмотрел на верхний этаж небольшой вышки. Там маячили силуэты поднявшихся сотрудников милиции. Он плюнул и развернулся к машине.

Глаз у Анди был слабым звеном. Из-за него к нему привязалась кличка Циклоп. Увечье стало результатом взрыва авиабомбы в середине девяностых. Особая примета заставляла быть осторожным. В его положении хотя бы раз попасть в поле зрения правоохранительных органов — значит потерять все. Анди не блистал выдающимися физическими данными. Среднего роста, сутуловатый, лицо болезненно серое. Кто бы мог подумать, что за этой внешностью скрывается хитрый и коварный командир особой диверсионной группы? Его жизнь круто изменилась после второй попытки заокеанских стратегов взять реванш на Кавказе. Он с трудом бежал. Сначала в Грузию, потом в Турцию. В Стамбуле Анди случайно познакомился с рыжеволосым англичанином, которого заинтересовало увечье. Тогда, еще не зная, что перед ним представитель английской разведки, чеченец принял его за журналиста и сказал, что пострадал в войне с русскими оккупантами. Каково же было удивление Анди, когда спустя несколько дней его пригласил в свои апартаменты Ата Алших. Он был наслышан об этом человеке, но никогда не думал, что его персона чем-то за-

интересует араба. В просторном кабинете присутствовал уже знакомый англичанин. Ата Алших поприветствовал гостя и стал рассказывать о нем рыжему, словно всю жизнь следил за ним. Анди поразила осведомленность араба о его делах на Кавказе. Он подробно описал, как чеченец организовал и провел акцию устрашения чеченских милиционеров одного из райотделов, срывая с земли дом начальника, вспомнил о славных подвигах в первую войну. В общем, дал понять англичанину, что перед ним настоящий воин, а Анди намекнул, что он всегда под контролем. Но больше поразило то, как Ата Алших, казавшийся ему недостижимым для обыкновенного смертного, ведет себя с обычным с виду англичанином. Несмотря на то что на его госте была надета обычная рубашка, которую можно купить в любом магазине для людей среднего достатка, и потертые джинсы, араб говорил с ним на равных, позволяя называть себя на «ты» и перебивать!

Поначалу Анди не понимал, зачем его рекламируют. Но вскоре все встало на свои места. Англичанин без обиняков предложил ему заняться подбором кадров среди выехавших за пределы России людей для обучения в лагере подготовки террористов. Конечно, это учебное заведение так никто вслух не называл, подменяя определение диверсионной школой. Были предложены хорошие деньги, и вскоре Анди с головой окунулся в эту работу. Постепенно с его помощью укомплектовали и подготовили группу, которая вернулась в Россию. Все крупные города объединяла хорошо законспирированная, автономно существующая сеть, и он со своими моджахедами стал ее составной частью. Все диверсанты трудоустроивались и принимались зарабатывать себе авторитет добропорядочных граждан. Изредка поступали команды на проведение незначительных операций, которые носили устрашающий характер, но не более. Анди был

неглупым человеком и прекрасно понимал, когда наступит день для всех тех, кто в разное время прошел через различные лагеря и центры. Россия была на пороге выборов. Удары готовились на всех направлениях. Группы, находящиеся на территориях с большой плотностью мусульманского населения, проводили работу по созданию экстремистских организаций. Все делалось таким образом, что со стороны могло показаться, будто все эти группировки возникают самостоятельно. Но на самом деле за их появлением стоял титанический труд небольшого, хорошо законспирированного коллектива. Первыми итогами работы Анди на Западе были довольны. Неделью назад на связь вышел человек Ата Алшиха и приказал провести акцию в Карачаево-Черкесии. Несмотря на то что араб не приветствовал его непосредственное участие в подобных мероприятиях, на этот раз он решил возглавить операцию. Анди знал: за ней следует серьезная работа. Поэтому надо держать форму и авторитет среди людей.

Он хорошо изучил местность, где сейчас приходилось ехать. Через километр, справа от трассы, небольшое село. Там один черкес, по местным меркам богатый коммерсант, развернул большое строительство. Два огромных дома для себя и сына. У заправки, которая принадлежит ему, уже возвели магазин. Нанятые им строители живут в уцелевшем помещении конторы на территории давно брошенной и пришедшей в запустение МТС. К ним можно проехать по переулку, между забитыми разным хламом сараями.

Он свернул с шоссе, пересек небольшую балку и выехал на проселок, тянущийся через заброшенный, погрузившийся в сумерки сад. Впереди замаячили огни домов. Сбавил скорость, последний раз обдумывая, все ли он учел для воплощения в жизнь своего плана. Вскоре дорога уперлась в едва держащиеся на столбах желез-

ные ворота. Он вышел из машины и пошел вдоль забора. Через пару десятков метров протиснулся в щель между двумя покосившимися бетонными плитами. Вот и жилище шабашников. Он облегченно вздохнул. Те уже закончили работу и сейчас отмечали конец трудового дня. Была суббота. В единственном выходящем на эту сторону окне горел свет. Пройдя через пристройку, заваленную инструментом, мешками с цементом, раковинами, трубами, и едва не свернув себе шею из-за оставленной у дверей ванны, он вошел в дом.

Трое мужиков сидели за установленным посередине комнаты столом, на котором дымилось в огромной почерневшей сковородке жаренное с луком мясо. Нарезанный толстыми ломтями хлеб лежал на обрывке газеты. Рядом стояла банка с огурцами и две бутылки водки. Другой картины он здесь увидеть и не надеялся. Даже время рассчитал так, чтобы застать мужиков в самом начале пьянки. Они еще могли самостоятельно передвигаться, но уже плохо соображали.

— Салам аллеюкум! — поприветствовал он с порога, изобразив на лице радость. Впрочем, он действительно обрадовался. Ситуация складывалась в его пользу. Пока никаких неожиданностей, как это обычно бывает.

— О! — захмелевшим голосом протянул самый крупный и авторитетный среди шабашников Мукин. — Дельшот! Как раз к столу! Присаживайся. — Он толкнул в бок сидевшего рядом паренька в майке.

Тот соскочил с места, бросился в угол и притащил оттуда табурет.

— Э-э, спасибо. — Анди прижал руку к груди и сделал лицо виноватым. — Не могу. Мне помощь ваша нужна. За десять минут работы хорошие деньги плачу!

— Давай утром?! — окинув тоскливым взглядом стол, предложил Мукин. — А сейчас, — он развел руками, — сам видишь!